

УДК 903.5(571.15)

Т.А. Чикишева

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: antr@bronze.archaeology.nsc.ru*

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Введение

Культура скотоводов-кочевников существовала и развивалась в Горном Алтае почти тысячелетие – с VIII в. до н.э. до I в. н.э. Ее подразделяют на четыре этапа: куртусский (VIII – VII вв. до н.э.), майэмирский (VII – VI вв. до н.э.), пазырыкский (V – III вв. до н.э.) и шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.). Наиболее ярким из них является пазырыкский этап, который чаще называют пазырыкской культурой. Ранние кочевники Горного Алтая рассматриваются исследователями в составе скифо-сибирской этнокультурной общности, сложившейся в степном поясе Евразии в I тыс. до н.э. Скифо-сибирское население, состоявшее из кочевых, полукочевых и оседлых племен известно не только по археологическим источникам, но и по письменным сведениям античных историков и ахеменидским (древнеперсидским) клинописям. Для некоторых его групп установлены этнонимы – это собственно скифы Северного Причерноморья, савроматы низовий Дона, Волги и Южного Приуралья, саки степных районов Казахстана и горных долин Тянь-Шаня и Памира. Ряд групп имеет условные археологические обозначения. Это носители тагарской культуры в Хакасско-Минусинской котловине, уюкской и саяно-тывинской в Тыве и Западной Монголии, пазырыкской на Алтае, тасмолинской в Центральном Казахстане, большебереченской в Верхнем Приобье.

Формирование основных археологических черт, маркирующих принадлежность названных народов и культур к скифо-сибирской общности, относится к рубежу VII – VI вв. до н.э. Оно происходило на основе разнородных в культурном и антропологическом отношении субстратов. Имея разную историческую

основу, группы скифо-сибирской общности имели также индивидуальную структуру межэтнических связей. Все это не могло не отразиться на их антропологическом составе. Поэтому вполне закономерно, что решение многих важных вопросов истории степей Евразии в скифское время в значительной степени зависит от изучения палеоантропологических материалов.

Ранние кочевники Горного Алтая до недавнего времени были, пожалуй, наименее изучены в палеоантропологическом отношении среди других этносов и носителей культур скифо-сибирского мира. Широкому кругу специалистов известна оценка их расовых и физических особенностей, основанная на палеоантропологическом материале из первых раскопок курганов Горного Алтая, осуществленных М.П. Грязновым, С.В. Киселевым, С.И. Руденко: Шибинского и Первого Пазырыкского, Второго, Третьего, Четвертого и Пятого Пазырыкских, двух больших Туэктинских и двух больших Башадарских, а также нескольких рядовых курганов – Шестого, Седьмого и Восьмого Пазырыкских и из местонахождений Арагол, Катанда, Туэкта, Курай.

Первоначально этот материал был опубликован Г.Ф. Дебецем [1948] и С.И. Руденко [1953, 1960], причем используемая в то время антропометрическая программа не включала измерений горизонтальной профилировки лица, которым сейчас придается важное расоводиагностическое значение. Позднее полное исследование черепов этой небольшой краниологической серии осуществил В.П. Алексеев [1958]. Им же были опубликованы данные о нескольких черепах из первых раскопок В.Д. Кубарева в урочище Уландрык [Алексеев, 1975]. Впоследствии

В.П. Алексеев [1986] обобщил весь упомянутый палеоантропологический материал.

Уже первые исследования скелетов из курганов Горного Алтая позволили констатировать расовую неоднородность раннего кочевнического населения, заключающуюся в присутствии как представителей европеоидного и монголоидного типов, так и метисных форм. Г.Ф. Дебец выделил среди черепов монголоидного облика два морфологических типа. Один из них – брахикранный (зафиксирован в кург. № 6 в Туэкте), предполагает, по его мнению, связь населения Алтая с племенами юго-восточного происхождения, в частности с догуннским населением Забайкалья [Дебец, 1948, с. 137]. Второй – долихокраний (выявлен в несмешанном виде в кургане Шибе и как примесь в кургане в Катанде), имеет сходство с антропологическим типом тунгусов Прибайкалья. Появление этого типа на Алтае Г.Ф. Дебец связывал с вовлечением территории Алтая в орбиту гуннского государства [1948, с. 139 – 141].

По мнению С.И. Руденко, анализировавшего в основном ту же палеоантропологическую серию, но дополненную вначале новыми материалами из Пазырыкских [1953, с. 62 – 69], а затем из Башадарских и Туэктинских курганов [1960, с. 337 – 338], монголоидность на Алтае имеет догуннское происхождение.

Предположение о гуннских корнях монголоидности у ранних кочевников Алтая, высказанное Г.Ф. Дебецем, основано на весьма условном датировании оказавшегося в его распоряжении палеоантропологического материала. Восемь черепов из курганов в урочищах Туэкта и Курай (Курай III) были отнесены к V – IV вв. до н.э., пять черепов из курганов в урочищах Шибе, Катанда и Курай (Курай V) – ко II в. до н.э. – I в. н.э. Позже С.И. Руденко, систематизируя комплекс находок из раскопанной им группы курганов в долине Пазырык, высказал сомнение относительно отнесения больших курганов с каменной наброской к гунно-сарматскому времени, полагая более вероятной их принадлежность к единой культуре, синхронной скифскому времени [1953, с. 342 – 361]. Позднее, сопоставляя результаты типологического анализа предметов материального комплекса, радиоуглеродного датирования и дендрохронологии курганов Горного Алтая, он предложил отнести курган в Шибе к первой половине IV в. до н.э. [Руденко, 1960, с. 336].

В.П. Алексеев [1975] констатировал значительную монголоидную примесь в исследованной им части краниологического материала, происходящего из курганов могильника в урочище Уландрык. Проникновение монголоидного комплекса на Алтай, по его мнению, происходило из Центральной Азии, и, вероятнее всего, его носителями были древние племена Монголии [Алексеев, 1958, 1975, 1986].

Всеми исследователями отмечалось преобладание черепов европеоидного облика в массе горно-алтайских палеоантропологических материалов раннего железного века. Основное направление для интерпретации европеоидных морфологических комплексов, обнаруживаемых в антропологическом составе носителей пазырыкской культуры, было определено В.П. Алексеевым, исключавшим орбиту переднеазиатских влияний и выводившим европеоидность пазырыкцев из европеоидных типов, распространенных на Алтае в эпоху бронзы [1958, 1986].

Особо следует отметить, что в своих работах по палеоантропологии населения эпохи железа Средней Азии и Казахстана В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова неоднократно обращали внимание на сходство ряда групп сакских и усуньских племен Казахстана и Тянь-Шаня с пазырыкцами Алтая [Гинзбург, 1956а, 1961; Гинзбург, Трофимова, 1972; Трофимова, 1958]. В.П. Алексеев выделил особый казахстано-алтайский морфологический вариант в составе скифо-сакского населения, определив его как монголоидный, сходный с южносибирской расой, и интерпретировал как результат интенсивного смешения на рубеже эпохи бронзы – раннего железа восточных и западных антропологических типов. Проникновение монголоидных элементов в бассейн Сырдарьи и Восточный Казахстан, также как и в горные районы Алтая, по его мнению, происходило из Центральной Азии [Алексеев, 1986].

В самое последнее время появилась публикация фрагментарной серии костяков из памятников, относящихся к наиболее ранним этапам развития культуры кочевников Горного Алтая [Тур, 1997]. Опубликованы также результаты межгруппового факторного анализа (к сожалению, без предварительной публикации антропологических данных) репрезентативной серии черепов (27 мужских и 19 женских) из трех могильников скифского времени, локализованных в долине средней Катунь. Статистический анализ выполнен с использованием опубликованных данных о 84 группах Западной, Восточной, Южной Сибири, Центральной и Средней Азии от современных популяций до эпохи неолита [Тур, 1999]. К сожалению, эта работа носит декларативный характер, не учитывает морфологические особенности палеоантропологического материала пазырыкской культуры, уже опубликованного предшественниками, и не содержит убедительной морфологической аргументации для предложенного автором варианта антропологического состава населения Алтая скифского времени.

Новая палеоантропологическая коллекция, ставшая объектом настоящего исследования, накоплена в течение двух последних десятилетий. В ее составе имеется краниологическая серия из более 100 черепов

взрослых субъектов хорошей и удовлетворительной сохранности. Материал происходит из нескольких курганных могильных комплексов V – III вв. до н.э. в юго-западных (на границе с Монголией, Китаем и Казахстаном) и центральных районах Горного Алтая*. Таким образом, он позволяет обсуждать основные вопросы расовой антропологии носителей пазырыкской культуры ранних кочевников Горного Алтая.

Формирование антропологического состава носителей пазырыкской культуры Горного Алтая

Итоги изучения новых краниологических материалов, представляющих носителей пазырыкской культуры, частично опубликованы [Чикишева, 1996, 1997, 2000в]. Тем не менее я считаю уместной публикацию основных антропометрических характеристик суммарной пазырыкской серии (табл. 1). Основными ее характеристиками являются мезобрахикрания, средние диаметры черепной коробки, средняя ширина лба, угол его наклона и индексы изгиба в сагиттальном и горизонтальном сечениях, высокое ортогнатное мезопрозопное (на границе остропрофилированных и среднепрофилированных форм) лицо, среднеширокая альвеолярная дуга, узкая небная кость, крупные мезоконхные орбиты, узкое носовое отверстие, высокие переносье и спинка носа, средневыступающие над линией общего профиля лица носовые косточки.

Индивидуальный анализ черепов серии выявил преобладание морфологического типа с промежуточным выражением основных черт, дифференцирующих европеоидную и монголоидную расы. Встречаются экземпляры с усилением европеоидных особенностей лицевого отдела. Индивидуумов с концентрацией типологических особенностей монголоидного характера обнаружить не удалось. В

составе пазырыкского краниологического материала единственным носителем ярко выраженного монголоидного комплекса признаков остается описанный Г.Ф. Дебецем череп из кургана Шибе [1948].

Сравнение внутригрупповых дисперсий суммарной пазырыкской серии со стандартными, заимствованными из таблицы краниометрических констант [Алексеев, Дебец, 1964], показало, что достоверно повышенную изменчивость в мужской группе проявляют основные диаметры черепной коробки, признаки, описывающие конфигурацию лобной кости, структурно связанный с лобным отделом назомаллярный угол и общий угол вертикального профиля лица. Менее изменчивы основные диаметры лица. Существенно ниже стандартных показатели изменчивости метрических характеристик структурных элементов лицевого отдела, которые традиционно входят в расоводиагностический комплекс, дифференцирующий монголоидные и европеоидные антропологические типы. В женской группе в целом сохраняются те же тенденции за исключением сравнительно большей изменчивости высоты и ширины лица, а также симотической высоты и стабильности продольного диаметра черепной коробки и признаков, описывающих конфигурацию лобной кости.

Судя по внутригрупповым коэффициентам корреляции (табл. 2), ни мужская, ни женская выборка серии не демонстрируют нарушения физиологического характера связей в комплексах анатомически связанных признаков. Система корреляций между признаками, которые варьируют относительно независимо и поэтому могут быть использованы для восстановления расогенеза группы, предполагает различия в антропологических составах мужской и женской выборки.

Судя по коэффициентам корреляции, мужская группа пазырыкской серии дифференцируется по соотношениям основных диаметров черепной коробки и параметров лицевого отдела. Увеличение продольного диаметра черепа сопровождается уменьшением его поперечного и повышением вертикального диаметров, а также увеличением высоты и ширины лица и усилением клиногнатности его горизонтального профиля. Напротив, увеличение поперечного диаметра черепа наблюдается в комплексе с усилением горизонтальной уплощенности лица. Можно предполагать, что мужская группа пазырыкской серии неоднородна в антропологическом отношении, однако входящие в ее состав компоненты не несут резких морфологических различий по признакам высокого таксономического уровня. Наблюдается тенденция к выделению морфологического комплекса с усилением европеоидных особенностей, проявляющаяся в некотором увеличении признаков горизонтальной профилировки на широком и высоком лице.

* Памятники локализованы в долинах рек и ручьев: Уландрык (могильники Уландрык I – IV, раскопки В.Д. Кубарева, 1972 – 1975 гг.), Юстыд (могильники Юстыд I, III, XII, XXII, Джолин I, II, Бураты, раскопки В.Д. Кубарева, 1976 – 1984 гг.), Барбургазы (могильники Барбургазы I – III) и Бугузуна (могильник Малталу) (раскопки В.Д. Кубарева, 1975, 1978, 1980, 1993 гг.), среднего течения Чуи (могильники Баратальская Долина и Алагаил, раскопки В.Д. Кубарева, 1974 – 1975 гг.), среднего течения Катунь (могильники Кара-Тенеш, раскопки А.П. Погожевой, 1980 г., Бике, раскопки В.Д. Кубарева, 1988 г., Купчечень, раскопки В.Д. Кубарева, 1974 г.), Урсул (могильник Балык-Соок, раскопки В.Д. Кубарева, 1986 г.), Ак-Алаха (могильники Ак-Алаха-1, 3, 5, Кутургунтас, раскопки Н.В. Полосьмак, 1990 – 1995 гг.; Бертек-1, 10, 12, 27, Мойнак-1, 2, Верхний Кальджин I, II, Кальджин-6, раскопки В.И. Молодина, 1991 – 1995 гг.).

Таблица 1. Краниологическая характеристика пазырыкской серии кочевого населения Горного Алтая скифского времени

Признаки	Мужчины				Женщины			
	x	n	s	$F=s^2/s_{st}^2$	x	n	s	$F=s^2/s_{st}^2$
1. Продольный диаметр	182,25	53	7,34	1,45*	173,81	54	6,76	1,36
8. Поперечный диаметр	143,58	48	6,67	1,78**	138,04	53	6,59	1,88**
8:1. Черепной указатель	79,10	46	5,25	2,69**	79,66	53	4,38	1,87**
17. Высотный диаметр от базиона	134,98	44	6,53	1,78**	129,85	47	7,02	2,23**
20. Высотный диаметр от пориона	116,75	44	4,87	1,48*	113,63	46	5,82	2,34**
5. Длина основания черепа	105,11	44	7,88	3,69**	98,89	46	6,48	2,76**
9. Наименьшая ширина лба	95,79	53	5,46	1,54**	93,30	52	4,53	1,11
10. Наибольшая ширина лба	122,20	46	6,14	1,64**	118,30	47	6,34	1,90**
9:10. Лобный указатель	78,58	46	3,45	0,98	78,96	47	3,30	0,84
9:8. Лобно-поперечный указатель	67,04	47	4,43	1,80**	67,41	50	3,35	1,03
Высота изгиба затылка	22,88	44	4,14	—	22,29	50	3,33	—
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	24,34	53	2,59	1,52**	24,84	54	2,48	1,39
Sub.NB:29. Указатель выпуклости лба	24,34	53	2,59	2,32**	23,03	54	2,16	1,61**
Угол поперечного изгиба лба	138,82	50	5,07	—	137,51	51	3,98	—
32. Угол профиля лба от назииона	81,62	39	4,79	1,68*	85,00	41	4,22	1,30
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	75,56	39	5,25	1,72**	80,41	41	4,73	1,40
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	34,62	44	1,24	—	34,91	49	1,14	—
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	33,74	43	1,78	—	33,53	49	1,93	—
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	31,65	43	1,79	—	31,56	49	1,95	—
28:27. Затылочно-теменной указатель	94,77	44	10,26	0,85	94,74	49	11,59	1,09
40. Длина основания лица	100,10	39	6,18	1,59*	93,89	36	4,66	0,98
45. Скуловой диаметр	139,08	40	6,24	1,50*	128,88	41	6,49	1,83**
48. Верхняя высота лица	74,55	49	4,81	1,38	68,58	45	5,08	1,79**
40:5. Указатель выступания лица	95,74	39	4,10	1,05	96,28	36	4,50	1,26
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	97,08	40	4,82	1,61**	93,71	41	4,84	1,62**
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	55,04	42	4,48	1,84**	52,67	39	4,10	1,54*
9:45. Лобно-скуловой указатель	68,89	40	4,69	1,79**	72,30	41	3,44	0,97
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	118,18	35	8,01	1,27	119,45	33	7,74	1,19
63:62. Небный указатель	77,25	37	6,99	0,99	76,19	32	5,90	0,71
DC. Дакриальная ширина	21,92	39	2,50	1,29	20,59	43	2,14	1,03
DS. Дакриальная высота	11,49	37	1,71	1,30	10,63	43	1,53	1,38
DS:DC. Дакриальный указатель	53,47	37	10,59	1,57*	52,01	43	8,29	0,96
SC. Симотическая ширина	8,39	49	1,59	0,78	8,71	47	1,65	0,84
SS. Симотическая высота	4,17	47	0,93	1,07	3,67	47	1,09	2,42**
SS:SC. Симотический указатель	50,38	47	12,51	1,14	42,55	47	11,53	0,97
MC. Максиллофронтальная ширина	19,98	41	2,25	—	18,68	44	1,85	—
MS. Максиллофронтальная высота	7,48	39	1,23	—	6,69	44	1,11	—
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	37,98	39	6,96	—	35,88	44	5,34	—
51. Ширина орбиты от максиллофронтале	43,59	44	2,01	1,25	41,88	44	1,91	1,26
52. Высота орбиты	34,00	44	2,18	1,32	33,21	44	1,76	0,86
54. Ширина носа	25,73	50	2,12	1,39	24,61	48	1,86	1,20
55. Высота носа	53,95	48	3,11	1,15	49,30	46	3,53	1,71
54:55. Носовой указатель	47,90	47	4,24	1,07	49,98	45	3,86	0,89
Назомаллярный угол	141,05	47	5,68	1,67**	142,17	48	4,71	1,14
Зигомаксиллярный угол	130,62	44	4,87	0,81	133,79	40	5,66	1,10
72. Общий угол профиля лица	88,80	40	4,05	1,95**	88,43	37	4,11	2,01**
74. Угол профиля альвеолярной части лица	82,88	40	6,21	1,04	81,59	37	6,50	0,08
75(1). Угол выступания носа	25,65	40	5,12	1,24	23,36	39	4,92	1,14

* P < 0,05.

** P < 0,01.

Таблица 2. Внутригрупповые корреляции некоторых краниологических признаков серии пазырыкской культуры.

	1	8	17	9	45	48	54:55	52:51	77	zm	sc	ss	dc	ds	32	72	75(1)
1		-0,34*(46) +0,14(53)	+0,44*(44) +0,36*(47)	+0,12(51) +0,38*(51)	+0,15(40) +0,47*(41)	+0,38*(46) +0,29(43)	-0,26(44) +0,08(42)	+0,08(41) 0,24(43)	-0,02(47) -0,18(47)	-0,26(42) +0,05(40)	+0,23(43) +0,18(46)	+0,22(43) +0,31*(46)	-0,04(38) +0,25(42)	+0,29(36) +0,10(42)	-0,004(39) -0,13(41)	+0,23(39) +0,29(37)	+0,14(38) +0,12(38)
8			-0,12(42) +0,20(47)	+0,18(47) +0,48*(50)	+0,42*(40) +0,46*(41)	+0,25(45) +0,40*(43)	+0,17(43) -0,37*(42)	+0,03(41) +0,12(43)	+0,08(44) -0,04(46)	+0,29(41) -0,001(40)	+0,003(43) +0,04(46)	-0,06(41) -0,07(46)	+0,22(39) +0,22(42)	-0,19(37) +0,10(42)	-0,02(39) +0,14(41)	+0,23(40) +0,14(41)	+0,07(38) -0,07(38)
17				+0,14(44) +0,34*(45)	+0,44*(38) +0,28(38)	-0,002(42) +0,21(39)	-0,004(40) -0,15(38)	-0,07(40) -0,08(37)	-0,02(41) -0,05(42)	-0,13(37) -0,33*(37)	+0,21(42) +0,20(41)	+0,11(40) -0,18(41)	+0,33(37) +0,16(38)	-0,30(35) +0,16(38)	+0,25(38) +0,17(38)	+0,08(38) +0,12(34)	+0,29(37) +0,11(35)
9					+0,11(40) +0,55*(41)	+0,27(48) +0,51*(48)	+0,18(45) -0,27(41)	-0,02(42) -0,30(42)	-0,11(46) +0,27(48)	+0,003(42) -0,03(38)	+0,22(46) +0,31(44)	+0,04(44) +0,28(44)	-0,43*(39) -0,38*(41)	+0,10(37) +0,35*(41)	+0,14(39) -0,01(40)	+0,26(40) +0,26(36)	-0,04(40) +0,02(37)
45						+0,33*(40) +0,71*(36)	+0,18(39) -0,19(35)	-0,09(37) -0,06(37)	+0,20(39) -0,06(39)	+0,23(37) +0,07(33)	+0,26(38) +0,33*(39)	-0,06(36) +0,24(39)	+0,17(35) +0,36*(36)	-0,32*(33) +0,38*(36)	-0,08(37) -0,30(37)	+0,14(40) +0,33*(33)	+0,07(33) +0,07(33)
48							-0,23(46) -0,48*(43)	+0,18(42) +0,08(42)	-0,17(44) -0,21(40)	+0,02(42) -0,25(35)	+0,28(45) +0,27(43)	+0,10(43) +0,20(43)	+0,16(39) +0,19(41)	+0,11(37) +0,19(41)	-0,30(39) +0,29(39)	+0,42*(40) +0,19(37)	+0,03(40) -0,04(39)
54:55								-0,35*(42) -0,16(41)	+0,26(43) +0,18(38)	+0,46*(42) +0,27(34)	+0,18(44) -0,13(42)	-0,09(42) -0,09(42)	+0,36*(39) -0,03(40)	-0,23(37) -0,06(40)	+0,18(38) +0,01(36)	+0,02(39) +0,09(36)	-0,01(38) -0,13(38)
52:51									+0,24(41) +0,18(39)	+0,10(39) -0,06(36)	-0,09(40) -0,03(44)	-0,25(38) -0,16(44)	-0,17(38) +0,08(42)	-0,22(36) -0,23(42)	-0,20(36) +0,05(40)	-0,19(37) +0,36(36)	-0,41*(36) -0,06(36)
77										+0,14(42) +0,19(37)	-0,002(41) -0,37*(41)	-0,45*(39) -0,25(41)	+0,27(38) -0,32*(39)	-0,34*(36) -0,56*(39)	+0,36(37) +0,17(38)	-0,37*(37) -0,13(34)	-0,23(36) -0,08(34)
zm											+0,40*(39) -0,05(37)	+0,15(38) -0,22(37)	+0,22(36) -0,03(35)	-0,15(35) -0,24(35)	+0,07(36) -0,21(33)	+0,18(36) +0,23(31)	-0,13(34) -0,19(32)
sc												+0,37*(47) +0,54*(47)	+0,43*(39) +0,63(43)	+0,17(37) +0,40*(43)	+0,15(38) +0,11(37)	+0,16(39) +0,16(37)	-0,09(40) +0,01(39)
ss													-0,22(37) +0,30(43)	+0,37*(37) +0,55*(43)	-0,15(36) +0,04(41)	+0,22(37) +0,35(37)	+0,30(40) +0,54*(39)
dc														-0,11(37) +0,18(43)	+0,24(35) +0,08(39)	-0,01(36) +0,24(35)	-0,16(35) -0,05(37)
ds															-0,42*(33) -0,24(39)	+0,16(34) +0,37*(35)	+0,13(35) +0,37*(37)
32																+0,12(39) +0,12(37)	-0,02(34) -0,04(36)
72																	+0,39*(35) +0,04(36)
75(1)																	

Примечание. В первой строке коэффициенты корреляций для мужской группы, во второй – для женской; звездочкой отмечены статистически достоверные коэффициенты корреляций; в скобках указано число наблюдений.

Сочетание коррелированно варьирующих признаков в женской группе иное. Связь между основными диаметрами черепной коробки положительная, что предполагает дифференциацию группы не по форме мозговой капсулы, а по ее размерам. Увеличение диаметров черепной коробки сопровождается увеличением ширины лба, верхней высоты лица и скуловой ширины. Взаимосвязанное варьирование признаков уплощенности лицевого скелета свидетельствует о наличии в составе женской группы пазырыкцевой примеси монголоидной примеси. Судя по значениям коэффициентов корреляции, усиление “монголоидности” (т.е. уплощение горизонтального профиля лица и ослабление выступания носовых косточек) сопровождается понижением высоты свода черепа, высоты лицевого отдела и увеличением ширины носового отверстия.

Таким образом, параметры внутригрупповой изменчивости пазырыкской серии не являются индикаторами морфологических компонентов, имеющих различия высокого таксономического уровня. Тем не менее серия не может быть охарактеризована как абсолютно однородная. В ее антропологическом составе можно предполагать присутствие, кроме базового, еще как минимум двух компонентов. Один из них может быть определен как европеоидный. Он обнаруживается в мужской группе и отличается на общем фоне долихоморфностью пропорций черепной коробки и большими диаметрами лицевого отдела. Другой – грацильный монголоидный с низким лицом, выявляется в женской группе.

Расогенез основного антропологического пласта пазырыкской культуры, характеризующегося европеоидно-монголоидной промежуточностью черт расоводиагностического комплекса, связан с территорией Горного Алтая и уходит корнями в предшествующие эпохи. Краниологический комплекс этого пласта представлен основной массой пазырыкцев, погребенных в рядовых курганах, и соответствует средним характеристикам суммарной серии. В могильнике Уландрык данный компонент является преобладающим. Антропологический тип, характеризующийся аналогичной комбинацией признаков, выявлен на территории Алтая по материалам погребений рубежа неолита – энеолита в пещерах Нижнетыткескенская-1 и Каминная [Ким, Чикишева, 1995; Чикишева, 1995, 2000а] и погребений второй половины II тыс. до н.э. носителей каракольской культуры [Чикишева, 1995, 2000а]. Без какой-либо принципиальной трансформации он вошел в состав пазырыкского населения. Именно этот компонент является автохтонным.

Полученные в последние годы палеоантропологические материалы как эпохи раннего железа, так и предшествующих эпох позволяют решить проблему

генезиса данного морфологического комплекса независимо от концепции метисации европеоидов и монголоидов [Чикишева, 2000б].

Морфологический комплекс, который соответствует европеоидному компоненту в несмешанном виде, чаще всего встречается среди погребенных в курганах Юго-Западного (долины Барбургазы и Бугузуна, плато Укок) и Центрального Алтая. В местонахождениях Уландрыка, Юстыда и долин среднего течения Чуи он хорошо улавливается в виде примеси, но его удельный вес выше на Уландрыке, тогда как на Юстыде он ощутим в наименьшей степени. В этот краниологический комплекс входят: большие диаметры черепной коробки, сочетания которых характеризуют ее как мезобрахикранную и высокую, широкое и очень высокое ортогнатное лицо, чуть уплощенное в верхнем отделе и умеренно профилированное в среднем, высокое переносье, извилистый или близкий к прямому профиль спинки носа, сильно выступающие над линией общего профиля лица носовые косточки.

Следует исключить какую-либо связь данного комплекса с краниологическим типом афанасьевского населения Горного Алтая. Для последнего характерно широкое, но низкое или средней высоты лицо. Различия пазырыкского и афанасьевского краниологических типов проявляются также в особенностях строения мозгового отдела черепа. Какого-либо иного, помимо афанасьевского, европеоидного населения, предшествовавшего пазырыкскому, в настоящее время не зафиксировано.

Происхождение европеоидного морфологического компонента в составе пазырыкского населения я сочла возможным связать с контактами племен Горного Алтая и скотоводов Передней и Средней Азии [Чикишева, 1996, 2000а]. Он имеет сходство с европеоидным краниологическим вариантом, обнаруженным в могильнике Ранний Тулхар (Южный Таджикистан) и связанным с носителями бешкентской культуры II тыс. до н.э. [Кияткина, 1976]; в погребениях второго периода (1500 – 1350 гг. до н.э.) могильника Джаркутан (Южный Узбекистан), также отнесенных к бешкентской культуре [Ходжайов, 1977]; в энеолитическом слое 1Б поселения Карадепе, на поселении Тахирбай-3 и в погребениях из Серахса II тыс. до н.э. (Южная Туркмения) [Гинзбург, Трофимова, 1972]; в двух небольших могильниках скотоводческого населения Караэлематасай и Патмасай (Юго-Западная Туркмения) [Там же]; в могильнике Сиалк (Северо-Восточный Иран) на черепах поздней группы (5 – 6-й периоды Гиришмана), датируемой концом II – началом I тыс. до н.э. [Vallois, 1939].

Можно предполагать, что племена Горного Алтая, как минимум со второй половины II тыс. до н.э., взаимодействовали со скотоводческим населением

северных районов Передней Азии и южных районов Средней Азии (современные Северо-Восточный Иран, Южная и Юго-Западная Туркмения, Южный Узбекистан и Южный Таджикистан).

В эпоху раннего железа ни на отмеченных территориях, ни в каком-либо ином районе Передней или Средней Азии массивный высоколицый европеоидный антропологический тип не обнаруживается. Его примесь встречается в Юго-Западном и Юго-Восточном Приаралье, в Западной Туркмении, в степной части Заравшанской долины, на Тянь-Шане и Алае, в Ферганской долине [Алексеев и др., 1990, с. 189]. Высказано предположение, что носители данного антропологического типа немногочисленны и постепенно “растворились” в общей массе грацильных восточносредиземноморских европеоидов [Там же]. Но на территории Горного Алтая характерный для него морфологический комплекс практически не подвергся трансформации, что обусловлено, видимо, определенной изолированностью горноалтайских племен от скотоводов и земледельцев степного пояса Евразии и их удаленностью от основных центров смешения европеоидных типов северного и южного происхождения, локализованных в оазисах Передней и Средней Азии.

Монголоидному компоненту в составе пазырыкского населения трудно дать однозначную интерпретацию. Типологический анализ показал его наличие в первых краниологических материалах из погребений пазырыкцев. Сочетание широкого, очень плоского, высокого лица со слабо выступающим носом характеризует череп мужчины из кургана Шибе [Дебец, 1948], мумию мужчины из Второго Пазырыкского кургана [Руденко, 1953], подразумевается в виде примеси в составе пазырыкского населения [Алексеев, 1975]. Этот монголоидный комплекс признаков лица выявлен как на брахикранных, так и на долихокранных черепах. Что касается изученной мною серии, то присутствие монголоидной примеси улавливается по результатам анализа внутригрупповых корреляций в женской группе серии. Однако морфологический комплекс, реконструируемый на основе совокупности коррелированных признаков, отличается грациальностью черепной коробки и малой высотой лица.

Обратимся к древним ареалам локализации основных монголоидных типов Сибири. На территории Восточной Сибири с эпохи неолита известны монголоидные расовые типы, характеризующиеся крупными размерами черепной коробки и большими диаметрами лицевого отдела. В Забайкалье в эпохи неолита, поздней бронзы и раннего железа фиксируется брахикранный морфологический комплекс, получивший название байкальской расы, который составил антропологическую основу многих народов

Сибири и Дальнего Востока (представителей центральноазиатской и байкальской групп расовых типов). В Прибайкалье в эпоху неолита доминировал долихокранный монголоидный морфологический комплекс, получивший название палеосибирской расы. Многочисленные материалы из курганов гуннского времени, изучавшиеся Г.Ф. Дебецем [1948], И.И. Гохманом [1960, 1977], Н.Н. Мамоновой [1974], Д. Тумэн [1985], свидетельствуют о том, что в гуннском племенном союзе преобладали потомки неолитического населения Прибайкалья. Морфологические монголоидные комплексы на территории Западной Сибири с эпохи неолита и до современности характеризуются средними и малыми размерами черепной коробки и небольшой высотой лицевого отдела. Они подразделяются на ряд вариантов уральской расы.

Исходя из того, что в пазырыкских материалах фиксируется концентрация монголоидных черт, характерная для расового комплекса палеосибирского типа, а также из основных направлений этнокультурных связей кочевого населения Горного Алтая, полагаю наиболее реальным вариант проникновения на Алтай представителей тех монголоидных племен, на основе которых в степях Монголии и Забайкалья формировался гуннский племенной союз. К сожалению, эти племена не представлены палеоантропологическим материалом. Думается, что присутствие данного расового элемента в составе пазырыкского населения свидетельствует, скорее, о политических взаимоотношениях пазырыкцев с монголоидными племенами Восточной Сибири, нежели о систематическом смешении населения в эпоху раннего железа.

Весьма вероятно участие в формировании морфологического комплекса пазырыкцев антропологического пласта уральского расового типа, ареал распространения которого перекрывал очаг расогенеза групп кочевников южных районов Западной Сибири.

Обнаружение в антропологическом составе пазырыкских племен автохтонного брахикранный расового компонента с монголоидными особенностями в строении черепа, генетически связанного с мощным пластом носителей культур окуневского круга, ставит под сомнение определяющую роль монголоидов байкальского типа в расогенезе пазырыкского населения.

Для того чтобы определить круг групп, близких в антропологическом отношении носителям пазырыкской культуры центральных и южных районов Горного Алтая, и наметить этнокультурное пространство, в котором развивались аналогичные процессы расогенетического характера, был проведен межгрупповой анализ комплекса краниометрических

признаков* методом главных компонент. При подборе сравнительного материала я ориентировалась на возможно более полный охват групп кочевников Средней Азии, Казахстана и Синьцзяна, антропологический состав которых складывался при их активном взаимодействии, обусловленном развитием этногенетических и исторических процессов в этнокультурной среде сако-сибирского мира.

Не менее важным является вопрос об антропологическом субстрате наблюдаемого морфологического сходства и предполагаемого генетического родства. Его решение потребовало привлечения к сравнительному анализу палеоантропологических материалов культур эпохи бронзы, роль которых в формировании всех культур скифского типа в той или иной мере доказана.

Всего сопоставлена 41 краниологическая серия**. Графический вариант результата кластеризации выделенных первых четырех главных компонент, описывающих около 60% общей изменчивости в анализируемых мужской и женской совокупностях краниологических серий, представляет в наглядной форме взаиморасположение групп по степени сходства их краниометрических комплексов (рис. 1 – 4).

При рассмотрении дендрограммы, построенной для совокупности мужских групп, включающей серии эпохи бронзы (см. рис. 1), обращает внимание значительное обособление классических андроновцев с территории Казахстана (включая и западные его районы) и Минусинской котловины, к которым примыкают саки Памира, носители куюсайской культуры, представленные материалами из могильников Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая (оссуарные погребения). Самостоятельное, обособленное положение занимают сборная серия из сакских курганов Восточного Казахстана и серия из могильника Уйгарак. В то же время погребенные в могильнике Тагискен, который относят к той же этнокультурной группе саков-сакараваков, что и могильник Уйгарак, вошли в общий кластер с пазырыкцами, группирующийся с другими кластерами, представляющими собой сочетание серий эпохи бронзы и раннего железа, которые

в целом по полученным расстояниям значительно ближе друг к другу, чем к отмеченному выше кластеру, объединяющему андроновцев, куюсайцев и саков Памира.

Эта совокупность серий эпохи бронзы и раннего железа подразделяется на дендрограмме на две группы кластеров, в состав которых входят морфологически сходные серии. В первую группу кластеров, включающую мужскую часть пазырыкской популяции, вошли следующие серии: из групп эпохи бронзы – карасукская, окуневская, лугавская, а также эпохи поздней бронзы из могильника Старый Сад в Барабинской лесостепи; из групп кочевников эпохи раннего железа – тасмолинская (обнаружившая наиболее тесную связь с пазырыкской серией), саков Восточного Приаралья (тохары и апасиаки), сборная из сакских могильников бассейна р. Нуры в Центральном Казахстане, усуней Семиречья, центральных районов Тянь-Шаня и Восточного Казахстана, сборная сако-усуньская из центральных районов Тянь-Шаня и краниологическая серия из сакского могильника Чжаосу в Синьцзяне. Вторая группа кластеров включает серии: эпохи бронзы – ирменские и андроновские Западной Сибири (из бассейнов Верхнего и Томского Приобья и Барабинской лесостепи), кротовской культуры из могильника Сопка-2; эпохи железа – центральноазиатские из могильника Улангом в Северо-Западной Монголии, тагарцев Минусинской котловины, сборную из курганов Тывы, из могильника Алагоу в Синьцзяне, среднеазиатские из могильника Усть-Буконь, из поздних погребений (II – I вв. до н.э.) могильника Тагискен, сако-усуньскую из курганов Алайской долины Тянь-Шаня, суммарные кочевников II в. до н.э. – I в. н.э. из Южного Таджикистана и кочевников V в. до н.э. – IV в. н.э. из Западной Туркмении, а также сборную серию сакского времени из курганов Северного Казахстана.

Обобщая полученный результат, можно заключить, что методом главных компонент нам удалось в совокупности анализируемых мужских серий выделить три морфологических пласта, реальность которых подтверждается их сопряженностью с тремя крупными историко-культурными формациями на хронологическом уровне эпохи бронзы – андроновской, окуневско-карасукской и андронидно-ирменской. Кочевое население эпохи железа южных степных и горно-степных районов Евразии – среднеазиатское, относящееся к сакской этнокультурной общности, и алтае-саянское (не имеющее в научной литературе общепринятого этнонима) – распределилось по трем предшествующим пластам, отразив основные направления эволюционных взаимоотношений между популяциями.

Картина взаиморасположения на дендрограмме женских краниологических серий (см. рис. 3) сходна

* Анализируемый комплекс включил следующий набор признаков: продольный, поперечный и высотный (от базиса) диаметры черепа, наименьшую ширину лба и угол его наклона (от назиона), скуловую ширину и верхнюю высоту лица, назомаллярный и зигомаксиллярный углы горизонтального профиля лица, общий угол вертикального профиля лица, ширину носа, дакриальную и симотиическую хорды и высоты, угол выступления носовых косточек.

** Объем статьи не позволяет привести обширный перечень сравниваемых групп, кратких археологических справок и ссылок на источники, по которым они были сформированы.

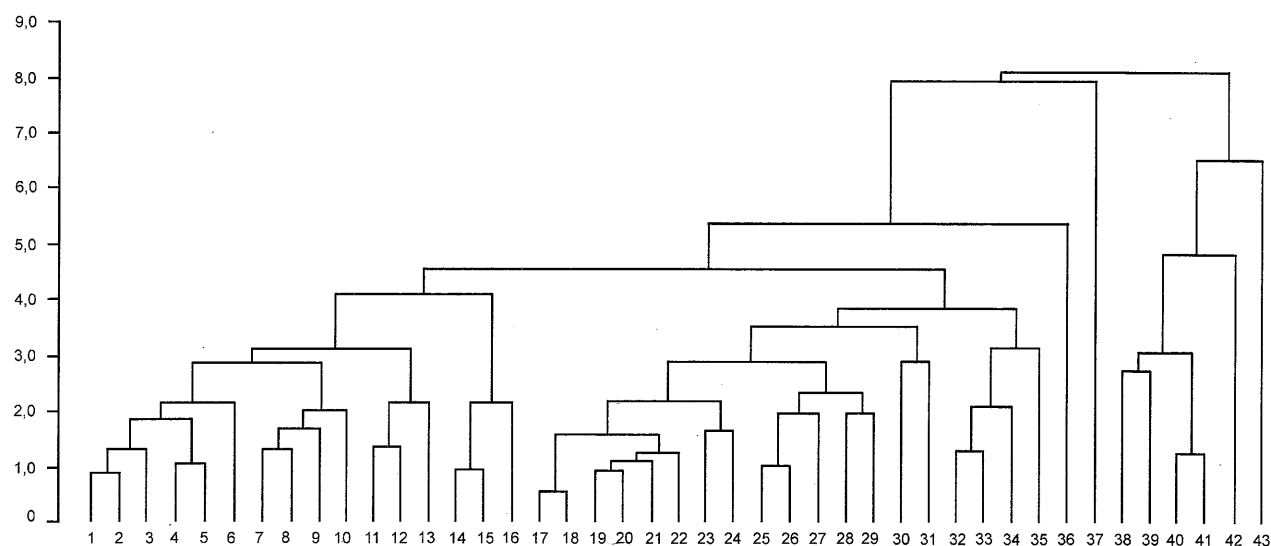

Рис. 1. Дендрограмма кластеризации четырех главных компонент, выделенных по комплексу признаков в совокупности мужских краниологических серий эпох бронзы и железа.

1 – носители тасмолинской культуры; 2 – носители карасукской культуры; 3 – носители пазырыкской культуры; 4 – усунь Семиречья; 5 – саки-тохары; 6 – носители окуневской культуры; 7 – саки Центрального Казахстана; 8 – сако-усуньская популяция Тянь-Шаня; 9 – популяция Чжаосу; 10 – популяция Старого Сада; 11 – усунь Центрального Тянь-Шаня; 12 – носители лугавской культуры; 13 – саки-апасиаки; 14 – усунь Восточного Казахстана; 15 – усунь-юечжи Тянь-Шаня; 16 – популяция Тагискена; 17 – носители тагарской культуры; 18 – популяция Улангома; 19 – носители ирменской культуры Кузнецкой котловины; 20 – носители ирменской культуры Томского Приобья; 21 – популяция Усть-Буконя; 22 – кочевники Южного Таджикистана; 23 – носители ирменской культуры Барабы; 24 – носители андроновской культуры Верхнего Приобья; 25 – популяция Тагискена (позднего); 26 – кочевники Западной Туркмении; 27 – популяция Тарым-Кая; 28 – носители ирменской культуры Верхнего Приобья; 29 – носители андроновской культуры Томского Приобья; 30 – саки Северного Казахстана; 31 – носители андроновской культуры Барабы; 32 – погребенные в курганах Тывы (суммарно); 33 – популяция Алагоу; 34 – сако-усуньская популяция Алайской долины; 35 – погребенные в могильнике Сопка-2; 36 – саки Восточного Казахстана; 37 – популяция Уйгарака; 38 – популяция Тумек-Кичиджика; 39 – носители андроновской культуры Минусинской котловины; 40 – погребенные в могильнике Тарым-Кая (оссуарном); 41 – носители андроновской культуры Казахстана; 42 – носители андроновской культуры Западного Казахстана; 43 – саки Памира.

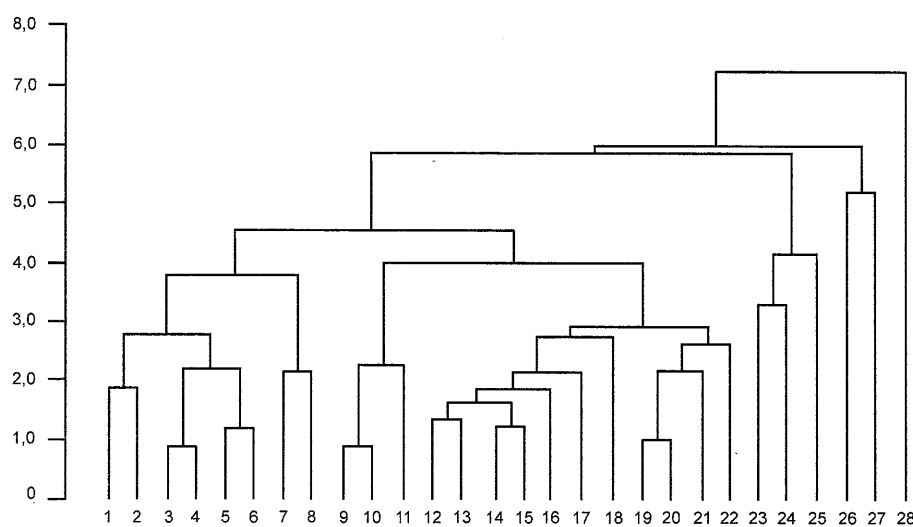

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации четырех главных компонент, выделенных по комплексу признаков в совокупности мужских краниологических серий эпохи железа.

1 – носители пазырыкской культуры; 2 – популяция Тагискена; 3 – погребенные в курганах Тывы (суммарно); 4 – популяция Алагоу; 5 – усунь Восточного Казахстана; 6 – сако-усуньская популяция Алайской долины; 7 – саки Восточного Казахстана; 8 – усунь-юечжи Тянь-Шаня; 9 – носители тагарской культуры; 10 – популяция Улангома; 11 – саки Северного Казахстана; 12 – носители тасмолинской культуры; 13 – саки-тохары; 14 – кочевники Западной Туркмении; 15 – кочевники Южного Таджикистана; 16 – популяция Усть-Буконя; 17 – сако-усуньская популяция Тянь-Шаня; 18 – популяция Чжаосу; 19 – усунь Семиречья; 20 – популяция Тагискена (позднего); 21 – усунь Центрального Тянь-Шаня; 22 – саки-апасиаки; 23 – саки Центрального Казахстана; 24 – погребенные в могильнике Тарым-Кая (оссуарном); 25 – популяция Тумек-Кичиджика; 26 – популяция Уйгарака; 27 – популяция Тарым-Кая; 28 – саки Памира.

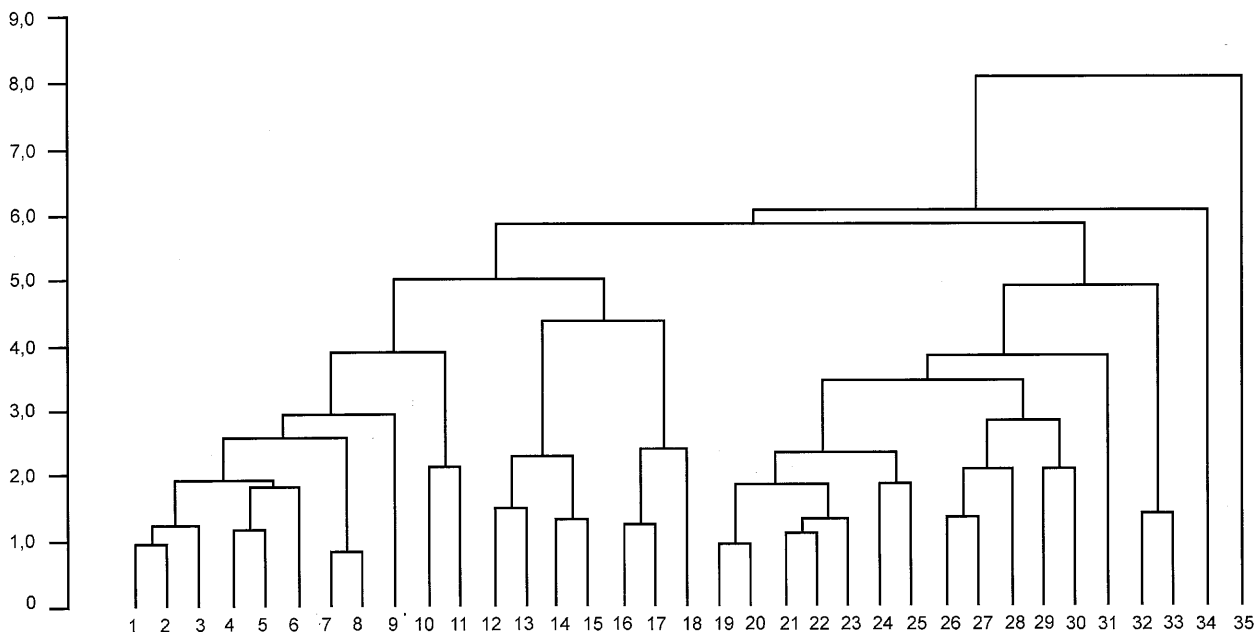

Рис. 3. Дендрограмма кластеризации четырех главных компонент, выделенных по комплексу признаков в совокупности женских краниологических серий эпох бронзы и железа.

1 – носители ирменской культуры Верхнего Приобья; 2 – носители андроновской культуры Казахстана; 3 – носители пазырыкской культуры; 4 – усунь Центрального Тянь-Шаня; 5 – популяция Старого Сада; 6 – усунь Семиречья; 7 – популяция Улангома; 8 – саки Восточного Казахстана; 9 – популяция Алагоу; 10 – сако-усуньская популяция Тянь-Шаня; 11 – популяция Чжаосу; 12 – погребенные в курганах Тывы (суммарно); 13 – погребенные в могильнике Сопка-2; 14 – носители ирменской культуры Томского Приобья; 15 – носители андроновской культуры Томского Приобья; 16 – носители ирменской культуры Барабы; 17 – носители андроновской культуры Барабы; 18 – саки Северного Казахстана; 19 – носители тагарской культуры; 20 – носители андроновской культуры Верхнего Приобья; 21 – кочевники Южного Таджикистана; 22 – носители андроновской культуры Минусинской котловины; 23 – кочевники Западной Туркмении; 24 – сако-усуньская популяция Алайской долины; 25 – носители ирменской культуры Кузнецкой котловины; 26 – носители карасукской культуры; 27 – носители лугавской культуры; 28 – популяция Усть-Буконя; 29 – саки-сакараваки; 30 – носители окуневской культуры; 31 – саки-апасиаки; 32 – саки Памира; 33 – носители андроновской культуры Западного Казахстана; 34 – саки-тохары; 35 – погребенные в могильнике Тарым-Кая (оссуарном).

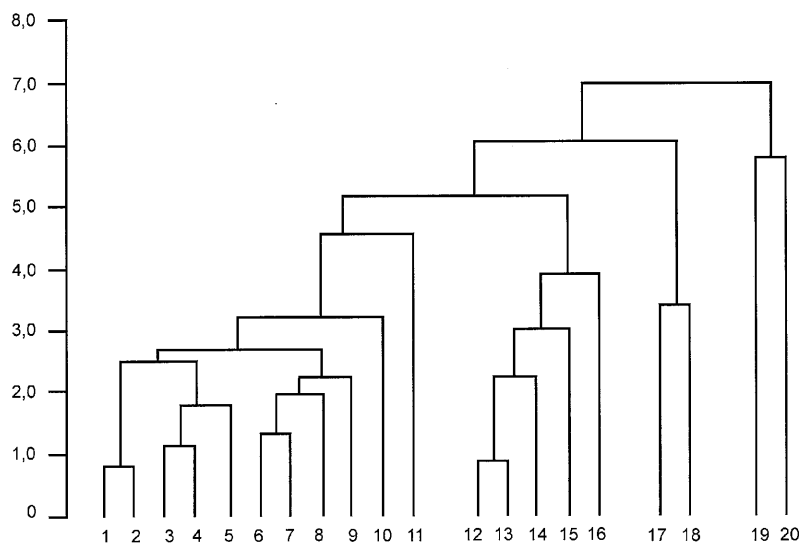

Рис. 4. Дендрограмма кластеризации четырех главных компонент, выделенных по комплексу признаков в совокупности женских краниологических серий эпохи железа.

1 – популяция Улангома; 2 – саки Восточного Казахстана; 3 – носители пазырыкской культуры; 4 – усунь Центрального Тянь-Шаня; 5 – усунь Семиречья; 6 – погребенные в курганах Тывы (суммарно); 7 – саки-сакараваки; 8 – сако-усуньская популяция Тянь-Шаня; 9 – сако-усуньская популяция Алайской долины; 10 – популяция Алагоу; 11 – популяция Чжаосу; 12 – кочевники Западной Туркмении; 13 – кочевники Южного Таджикистана; 14 – носители тагарской культуры; 15 – саки Северного Казахстана; 16 – саки-тохары; 17 – популяция Усть-Буконя; 18 – саки-апасиаки; 19 – погребенные в могильнике Тарым-Кая (оссуарном); 20 – саки Памира.

с мужской только в обособлении от всех остальных групп андроновцев Западного Казахстана, саков Памира и носителей куюсайской культуры, представленных материалами из оссуарных погребений могильника Тарым-Кая. Выраженную специфичность морфологического комплекса продемонстрировали также две группы саков Восточного Приаралья – тохары и апасиаки. Частью групп сформирован довольно крупный кластер, включающий представителей всех трех пластов, четко выделяемых на мужском краниологическом материале. Суммарная пазырыкская серия входит в другой кластер и ближе всего к группам эпохи бронзы – суммарной андроновцев Северного, Центрального и Восточного Казахстана, ирменской из бассейна Верхнего Приобья и серии из могильника Старый Сад. Из групп эпохи железа пазырыкская женская серия теснее всего связана с усуньской Семиречья и Центрального Тянь-Шаня, а затем с сакской Восточного Казахстана, сако-усуньской центральных районов Тянь-Шаня, а также с сериями из синьцзянских могильников Чжаосу и Алагоу и из Улангомского могильника в Северо-Западной Монголии. К этому кластеру примыкает небольшая совокупность, объединяющая серии кротовского и андронидно-ирменского населения Барабы и Томского Приобья, а также две сборные – из курганов Тывы и саков Северного Казахстана.

Попытаемся интерпретировать общие закономерности и основные различия в структурах обеих дендрограмм. Как правило, дендрограммы, построенные для мужских и женских совокупностей групп, имеют много отличий. В этих отличиях аккумулируется специфика формирования состава мужского и женского населения, определяемая как особенностями исторических событий в регионах, из которых происходят палеоантропологические серии, так и характером социальных, кровнородственных и брачных связей тех коллективов, антропологический состав которых отражают анализируемые материалы. На основании совпадения общих связей для мужчин и женщин можно делать предположения о магистральной линии в генезисе антропологического состава групп населения.

Прежде всего отметим стабильное для мужской и женской совокупностей сближение пазырыкской суммарной серии из синхронных групп с усуньскими Семиречья (IV – III вв. до н.э.) и Центрального Тянь-Шаня (IV в. до н.э. – первые века нашей эры), сако-усуньской из синьцзянского могильника Чжаосу, а из предшествующих эпохе железа – с краниологической серией эпохи поздней бронзы могильника Старый Сад. Данное наблюдение приводит нас к чрезвычайно интересному, с точки зрения этногенеза пазырыкского населения, выводу о том, что его сложение происходило на той же антропологической основе,

что и у племен, создавших в III в. до н.э. государство усуней, территория которого простиралась от р. Чу до юго-западной части Тянь-Шаня и от оз. Балхаш до южного побережья Иссык-Куля [Бичурин, 1950, с. 190 – 191].

Археологические данные свидетельствуют, что в Семиречье, Центральном Тянь-Шане и Алайской долине в сако-усуньское время распространяется единый вариант культурных комплексов [Бернштам, 1952, с. 186]. Краниологическое изучение палеоантропологических материалов из этих районов показало, что по таксономически важным признакам все изученные серии усуньского периода близки между собой. На основании данных археологии и интерпретации исторических сведений и свидетельств письменных источников к выводу о прямой связи усуней с саками Семиречья и Тянь-Шаня пришел А.Н. Бернштам. С его трактовкой этногенетических процессов, происходивших в среде ранних кочевников на этой территории, созвучны результаты сравнительного анализа изученных мной материалов пазырыкской культуры Горного Алтая. К сожалению, непосредственное сравнение пазырыкского и тянь-шаньского сакского краниологических материалов оказалось невозможным из-за непредставленности последнего в общедоступном научном обороте. Однако в контексте предположений А.Н. Бернштама о генезисе сако-усуньского пласта культур кочевого населения гор и межгорных долин Прииссыккуля и Тянь-Шаньско-Алайского массива [Там же, с. 209 – 216] к данному кругу племен можно отнести и носителей пазырыкской культуры.

А.Н. Бернштам идентифицировал восточных саков (в том числе саков Тянь-Шаня и Семиречья) с якусартскими саками Страбона и Птолемея, или с саками-хаомоварга ахеменидской клинописи, которые подразделяются на три группы: тянь-шаньскую, фергано-алайскую и собственно якусартскую. В их формировании участвовали южносибирские племена и племена эпохи бронзы (андроновского этапа) местного происхождения. Специфика этногенеза тянь-шаньских саков определялась локальными различиями и центральноазиатскими связями, фергано-алайских – взаимоотношениями с земледельческими племенами – носителями анаусской культуры, якусартских – контактами с массагетами Восточного Приаралья и сармато-аланскими этнокультурными элементами. В результате распада племенного союза якусартских саков на основе его тянь-шаньской группы сформировалась конфедерация усуней.

Могильники единого типа сакской эпохи, по данным археологических разведок А.Н. Бернштама, обнаруживаются по обоим склонам Кара-Тау, предгорьям Ферганского хребта, Чаткала и Туркестанского хребта, по межгорным долинам Алая и Чон-Алая,

Каратегина, Восточного Памира, покрывают всю долину Или, Чу, Таласа, выходят к Иссык-Кулю и имеют почти во всех горных долинах Тянь-Шаня, наблюдаются по склонам Джунгарского и Заилийского Алатау, в бассейнах Кок-су и Каратала, откуда они «без перерыва тянутся в зону “золотостерегущих грифов”, т.е. через зону чешыкских племен Иртыша к Алтаю и в Центральную Азию» [Там же, с. 214]. С эпическим этнонимом “стерегущие золото грифы”^{*} А.Н. Бернштам, несомненно, связывал в данном случае носителей пазырыкской культуры.

Таким образом, учитывая археологические данные о расселении тянь-шаньской группы сакских племен, представленные А.Н. Бернштамом, и опираясь на его вывод о формировании конфедерации усуньских племен на сакской основе, подтвердившийся впоследствии антропологическими исследованиями [Исмагулов, 1962, с. 187; 1970, с. 55 – 56], можно рассматривать сближение на наших дендрограммах пазырыкской краниологической серии с усуньской и сако-усуньской через призму антропологического сходства племен Горного Алтая, Семиречья и Тянь-Шаня в сакскую эпоху. К этой антропологической общности, имеющей в своем генезисе общий компонент в среде носителей культур окуневского и карасукского круга, тяготеют саки Восточного Приаралья.

Что касается саков Северного Казахстана, тагарцев Минусинской котловины, скифского населения Тывы и Северо-Западной Монголии, то, судя по результатам статистического анализа, антропологическое сходство, продемонстрированное представителями этих групп населения, связано с андронидно-ирменской основой.

Неожиданным результатом проведенного анализа стало почти абсолютное обособление на дендрограммах андроновских краниологических серий. Следовательно, морфологический комплекс андроновского расового типа не улавливается в большинстве групп носителей скифо-сакских культур и андроновский антропологический пласт не может рассматриваться как исходный тип для основного массива

скифо-сакского населения Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии. Выказанное предположение, возможно, вызовет возражение у ряда специалистов, так как широко распространенная концепция этнокультурной и расогенетической истории Средней Азии и Казахстана основана на безоговорочном признании определяющего значения в эволюции расового состава населения этих регионов именно андроновского антропологического субстрата [Гинзбург, 1956а, 1956б, 1961, 1963; Гинзбург, Трофимова, 1972; Трофимова, 1958, 1960; Исмагулов, 1962, 1963, 1970]. Тем не менее разрабатывались и другие концепции формирования расового состава региона, учитывающие расогенетическое значение всего наблюдаемого спектра антропологических типов, не преувеличивающие роль андроновского, а рассматривающие его как один из европеоидных компонентов, взаимодействующих в неоднородном антропологическом пространстве [Рычков, 1964, 1969; Гохман, 1973].

Что касается южных районов Сибири с их сложным антропологическим составом автохтонного населения, в котором присутствуют как европеоидные, так и монголоидные расовые компоненты, то миграционная волна андроновцев привнесла сюда новые культурные традиции, получившие столь широкое распространение, что участие андроновского компонента в любом этнокультурном образовании постандроновской эпохи на территории региона практически общепризнано. Но краниологический материал в данном случае показал, что физический тип коренного населения не растворился в андроновской среде. Наоборот, европеоидный тип пришлых андроновских племен не улавливается в мужском населении ни андроновской эпохи, ни последующих культурно-хронологических периодов. При взаимодействии групп степного скотоводческого населения Евразии наряду с процессами культурной ассимиляции, безусловно, происходило смешение всех его морфологических компонентов, включая и андроновский, что нашло отражение на женской дендрограмме. Но для признания определяющего влияния последнего на антропологический состав региона нет оснований.

Рассмотрим результаты компонентного анализа комплекса морфологических признаков для совокупности краниологических серий кочевников эпохи железа (см. рис. 2, 4). Исключая серии эпохи бронзы, мы переносим акцент с формообразующего значения фактора эволюционных взаимоотношений групп населения на векторы их этногенетических связей.

Сразу отметим, что распределение групп на мужской и женской дендрограммах не аналогично. Для женщин сохраняется та же последовательность взаиморасположения серий, которая наблюдалась в присутствии групп эпохи бронзы: пазырыкская,

^{*} Имеется в виду упоминание греческим автором Аристеем Проконесским в его эпической поэме “Аримаспея”, написанной на рубеже VI – V вв. до н.э., в перечне народов, населяющих окраину ойкумены, “стерегущих золото грифов”. Очень полный обзор точек зрения на трактовку этого аристеевского персонажа дан Н.В. Полосьмак во введении к монографии, обобщающей самые последние данные археологического исследования курганов пазырыкской культуры, локализованных на плато Укок. Уникальные находки из этих курганов дали неопровержимые доказательства для отождествления образа “стерегущих золото грифов” с носителями пазырыкской культуры [Полосьмак, 1994].

сако-усуньская Тянь-Шаня, Синьцзяна и усуньская Семиречья входят в общий кластер, что дает основание предполагать общность происхождения антропологического состава женской части населения Тянь-Шаня и Алтая. Обособленное положение на дендрограмме сохранили саки Памира и носители куюсайской культуры, представленные серией из могильника Тарым-Кая.

В новой картине распределения мужских краниологических серий при исключении из анализа субстратного компонента появился ряд принципиальных отличий. Группы перераспределились таким образом, что сако-усуньское население Тянь-Шаня уже не представляет собой морфологического единства: усуню-юечжи и саки Синьцзяна (могильник Алагоу) объединились в одном кластере с пазырыкцами Алтая, тогда как сакское и сако-усуньское население Центрального Тянь-Шаня, сако-усуньское Синьцзяна (могильник Чжаосу), а также усуню Семиречья сформировали особый кластер, в который вошли также носители тасмолинской культуры Центрального Казахстана. Сборная серия сакского времени из Центрального Казахстана продемонстрировала своеобразие, резко обособившись от основного массива групп кочевников наряду с носителями куюсайской культуры, популяцией Уйгарака и саками Памира.

Интерпретировать полученный результат можно следующим образом: женщины племен Евразии в силу каких-то канонов, регулирующих систему социальных отношений общества кочевого типа, в определенной степени были более связаны с исконными территориями предков – прародителей родоплеменных объединений, чем мужчины. Поэтому в женской части популяций сильнее проявление субстратного морфологического компонента. Авангардная роль в переселении племен и народов принадлежала преимущественно мужчинам. Следовательно, при извлечении из совокупности групп субстратного компонента именно мужские выборки распределяются на дендрограмме в соответствии со степенью близости этногенетических связей.

Наиболее тесные связи с мужской частью пазырыкской популяции демонстрируют в основном серии, локализованные вокруг условного географического центра – Джунгарской котловины, где сходятся хребты Алтая с примыкающими к ним южными отрогами Западного Саяна, Джунгарского Алатау и восточных отрогов Тянь-Шаня: тывинская и синьцзянская группы центральноазиатских саков, саки и усуню Восточного Казахстана, усуню-юечжи Тянь-Шаня. Из географически относительно удаленных районов к пазырыкцам Алтая тяготеют сако-усуньское население Алайской долины и приаральская группа саков-сакараваков, представленная серией из могильника Тагискен.

Те же группы распределились и вокруг женской части пазырыкской популяции, что является подтверждением определенного сходства в этногенезе этих представителей сакской историко-культурной общности. Но на женской дендрограмме система этногенетически взаимосвязанных групп шире. Она включает еще сако-усуньское население Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Это свидетельствует не только о том, что племена центральных районов Средней Азии должны рассматриваться как составляющее единой этнокультурной среды вместе с племенами Алтае-Тянь-Шаньско-Джунгарской орографической системы и сакараваками Приаралья. Выявляемая в женской части популяций ранних кочевников консервативность состава взаимосвязанных групп при исключении из совокупности субстратного компонента эпохи бронзы отражает также некую ключевую позицию центра усуньского государства в этой этнической и антропологической среде.

Следует отметить, что стабильный в целом результат проведенного статистического анализа двух совокупностей краниологических серий имеет одно исключение – положение сборной тывинской группы меняется в зависимости от состава совокупности. Располагаясь компактно наряду с саяно-тывинской серией Северо-Западной Монголии (могильник Уландрык) и тагарской Минусинской котловины в присутствии субстратного компонента эпохи бронзы (каковым для этих серий показал себя пласт носителей северных андроновских и андронидных культур), эта группа при его удалении оказывается в кластере, объединенном субстратным компонентом окуневско-карасукского происхождения. Возможно, такая ситуация объясняется промежуточным положением морфологического комплекса тывинских скифов на фоне особенностей групп, формирующих два крупных кластера. Заметим также, что памятники, давшие материал для сборной тывинской серии, географически локализованы между ареалами пазырыкской, саяно-тывинской и тагарской культур.

Заключение

Итак, главным итогом межгруппового анализа совокупности краниологических серий, представляющих скотоводческое и кочевое население южных степных районов Евразии в эпохи бронзы и железа, является выделение трех морфологических пластов в ее составе, сопряженных с основными историко-культурными пластами эпохи бронзы этого региона: андроновского, окуневско-карасукского и андронидно-ирменского. Можно предположить, что группы кочевников эпохи раннего железа распределились в структуре блоков предшествующего населения по принципу расогенетической связи между ними. При

этом очень мало групп (исключительно из числа сакского населения) продемонстрировало тяготение к вариантам андроновского расового типа. Не прослеживаются каких-либо закономерностей в географической локализации групп кочевников эпохи раннего железа, входящих в общие кластеры. Из этого следует, что вариации комплексов антропологических признаков в среде ранних кочевников Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии связаны не с территорией, не с изначальной дифференциацией субстратных морфологических пластов, а с историей расселения племен и народностей сакской историко-культурной общности.

Из групп эпохи раннего железа Евразии по морфологическому комплексу пазырыкцы наиболее близки к представителям кочевого населения примыкающих к ареалу пазырыкской культуры отрогов Западного Саяна, саков и усуней Центрального и Восточного Тянь-Шаня, горно-степных котловин Юго-Западного Алтая, Джунгарского Алатау, а также сако-усуньской популяции Алайской долины и тагискенских саков-сакараваков Восточного Приаралья. Этот этнокультурный конгломерат групп антропологически близкого населения имеет реальную расогенетическую основу, частично прослеживаемую по конкретным, в достаточной степени репрезентативным палеоантропологическим материалам, частично прогнозируемую априори, путем экстраполяции сведений об единичных и фрагментарных находках на целые культуры или народы. Во всяком случае уточнение отдельных сторон эволюционных взаимосвязей антропологических типов носителей культур горно-степного центра Евразии имеет перспективу и зависит от пополнения состава палеоантропологических серий, происходящих из региона. Вместе с тем вскрытый мной чисто антропологический факт должен иметь и историческую основу, поскольку распространение антропологических типов связано с переселением и смешением племен, сопровождающимися конкретными историко-культурными явлениями.

Выделенные группы населения, проявляющие антропологическое сходство, не представляют абсолютного единства по комплексу атрибутов материальной культуры. В частности, погребальные сооружения, предметы погребального инвентаря и характерные черты обряда ингумации саков-сакараваков из Тагискена, пазырыкцев Алтая и ранних кочевников Тывы имеют ряд принципиальных отличий этнокультурного порядка. В то же время налицо общие компоненты в антропологическом составе представителей этих племенных объединений. С другой стороны, краниологическая серия из могильника Уйгарак, идентифицируемая, так же как и серия из синхронного могильника Южный Тагискен, с племенным объединением саков-сакараваков, продемонстриро-

вала специфический комплекс краниометрических признаков, обособивший уйгаракскую группу не только от тагискенской, но и от основного массива ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Интерпретируя это явление, следует исходить из того, что распространение и наследование биологических черт в популяциях не обусловлено ортодоксальными связями с закономерностями и особенностями протекания историко-культурных процессов, хотя в определенной степени и опосредуется ими. Видимо, проявление последствий метисации разных антропологических типов при перемещении по ареалу Великой степи групп племен и народов не успевало за бурным развитием исторических событий в V – IV вв. до н.э. В этом смысле антропологические комплексы в составе сакского населения оказались более консервативными, чем этнические традиции.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Палеоантропология Алтая эпохи железа // Сов. антропология. – 1958. – № 1. – С. 45 – 49.
- Алексеев В.П.** К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 175 – 178.
- Алексеев В.П.** Палеоантропология степей Евразии в скифское время // Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. – Кемерово: КемГУ, 1986. – С. 38 – 63.
- Алексеев В.П., Аскараров А.А., Ходжайов Т.К.** Историческая антропология Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1990. – 276 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.** Краниометрия: Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – № 26. – 342 с.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф).** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 2. – 336 с.
- Гинзбург В.В.** Древнее население Восточных и Центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Антропологический сборник 1. – М., 1956а. – С. 238 – 298. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР; Т. 33).
- Гинзбург В.В.** Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1956б. – Т. 1. – С. 159 – 171.
- Гинзбург В.В.** К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (череп V – IV вв. до н.э. из могильника Усть-Буковь) // Антропологический сборник 3. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82 – 97. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР; Т. 71).
- Гинзбург В.В.** Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. – 1963. – Т. 21. – С. 297 – 337.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 371 с.

- Гохман И.И.** Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. Бурят. компл. науч.-исслед. ин-та. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 3. – С. 166 – 173.
- Гохман И.И.** Роль андроновского компонента в формировании южносибирской расы // СА. – 1973. – № 2. – С. 96 – 106.
- Гохман И.И.** Антропологическое изучение Забайкалья в Кяхтинском отделении Русского Географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики, антропологии. – Л., 1977. – Вып. 7. – С. 158 – 164.
- Дебев Г.Ф.** Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. – М.; Л., 1948. – Т. 4. – 392 с.
- Исмагулов О.** Антропологическая характеристика усуней Семиречья // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1962. – Т. 16. – С. 168 – 191.
- Исмагулов О.** Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата, 1963. – Т. 18. – С. 153 – 173.
- Исмагулов О.** Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. – 239 с.
- Ким А.Р., Чикишева Т.А.** Погребение из Нижнетыткескенской пещеры I – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. – Барнаул: АГУ, 1995. – Прил. 2. – С. 95 – 117.
- Кияткина Т.П.** Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1976. – 186 с.
- Мамонова Н.Н.** К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховая Падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 201 – 228.
- Мамонова Н.Н.** Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36: Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – С. 60 – 74.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 123 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 401 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.
- Рычков Ю.Г.** Происхождение расы среднеазиатского междуречья // Проблемы этнической антропологии Средней Азии: Науч. тр. Ташкент. гос. ун-та. – Ташкент, 1964. – Вып. 235. – С. 86 – 106.
- Рычков Ю.Г.** Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 223 с.
- Трофимова Т.А.** Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных территорий // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1958. – Т. 2. – С. 639 – 701.
- Трофимова Т.А.** Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии // СЭ. – 1960. – № 2. – С. 111 – 122.
- Тумэн Д.** Антропологическая характеристика хунну Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 87 – 96.
- Тур С.С.** Краниологические материалы из раннескифских могильников Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: АГУ, 1997. – Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. – Прил. – С. 136 – 147.
- Тур С.С.** Об уралоидном компоненте в антропологическом составе скифского населения Горного Алтая скифского времени // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: АГУ, 1999. – С. 203 – 205.
- Ходжайов Т.К.** Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалитепе. – Ташкент: Фан, 1997. – 110 с.
- Чикишева Т.А.** Некоторые новые палеоантропологические материалы эпохи неолита и ранних этапов эпохи бронзы с территории Сибири // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 103 – 106.
- Чикишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава населения пазырыкской культуры Горного Алтая // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 249 – 252.
- Чикишева Т.А.** К вопросу об антропологическом сходстве населения пазырыкской культуры и сакской этнокультурной общности // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященной 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 314 – 320.
- Чикишева Т.А.** Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000а. – № 1. – С. 139 – 148.
- Чикишева Т.А.** К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000б. – № 2. – С. 131 – 147.
- Чикишева Т.А.** Антропология носителей пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000в. – Гл. 1.3.
- Vallois H.** Les ossements humains de Sialk. – P.: R. Girschman. Foills de Sialk, pres de Kashan, 1939. – Т. 2. – P. 113 – 192.

УДК 902.674

И.Ю. Слюсаренко

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru*

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВА ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Введение

Одна из фундаментальных задач современной археологии – датирование археологических памятников. Большое количество деревянных конструкций хорошей сохранности в погребальных памятниках древних кочевых культур Южной Сибири и Центральной Азии позволяет использовать для решения вопросов хронологии этих культур дендрохронологию. Дендрохронология – научная дисциплина о датировании годовых колец деревьев, а также об исследовании информативного содержания, заключенного в их структуре [Multilingual glossary..., s. 95]. Основанная на анализе изменчивости радиального прироста годовых колец деревьев, эта отрасль научных знаний предоставляет большие возможности для относительно и абсолютного датирования объектов с такой высокой точностью (до одного года и даже сезона), которая недостижима другими средствами.

Памятники пазырыкской культуры Алтая (VI – II вв. до н.э.), широко известные по большим “царским” курганам Пазырыка, Башадара, Туэты, стали настоящим полигоном для отработки механизма применения методов дендрохронологии в археологии. И это естественно, поскольку благодаря образованию льда в могильных ямах в руки исследователей попал уникальный материал, включавший богатый погребальный инвентарь, мумифицированные тела людей, а также грандиозные деревянные конструкции (погребальные камеры и саркофаги) [Руденко, 1953, 1960].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 00-06-80199, РГНФ, проект № 00-01-12018В, и фонда Президиума СО РАН, интеграционный проект № 85.

В 1970 – 1990-е гг. к этим памятникам добавились курганы ранних кочевников в Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) и на высокогорном плато Укок (Южный Алтай). Отдельные погребения содержали подкурганную мерзлоту, которая сохранила содержимое из органических материалов, в том числе погребальные конструкции и инвентарь из дерева [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 1994; Polosmak, 1994; Молодин, 1997] (рис. 1).

Представление о пазырыкской культуре во многом формировалось по впечатляющим находкам из дерева – погребальным срубам и колодам, а также великолепным резным украшениям одежды, оружия, конской сбруи и т.д. Поэтому неудивительно, что именно курганы древних кочевников Алтая стали основой для самого первого опыта применения метода дендрохронологии в российской археологической науке в конце 1950-х гг.

В 1930 г. М.П. Грязнов первым среди отечественных исследователей, кто, основываясь на исключительной сохранности древесного материала в Первом Пазырыкском кургане (далее нумерация цифрами), оценил возможность и перспективность использования методов дендрохронологии в археологических исследованиях [1930].

В 1956 – 1957 гг. И.М. Замоторин обработал коллекцию, включающую 50 спилов из пяти больших Пазырыкских курганов, и с точностью до года установил очередность их строительства. Количество образцов для этого по каждому кургану было представлено далеко не равномерно: один для 4-го Пазырыкского кургана, 25 для 2-го. В ходе изучения удалось установить, что 1-й и 2-й курганы сооружены одновременно. Не ранее чем через семь лет появился 4-й курган,